

- ²⁹ Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987. С. 118—126.
- ³⁰ Лукина Н. В. Субстратные компоненты в пищевых традициях хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово., 1986. С. 65—66.
- ³¹ Василевич Г. М. Эвенки. С. 122—125; Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М., 1969. С. 82.
- ³² Лукина Н. В. Традиции приготовления пищи у восточных хантов // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск., 1985; *ее же*. Субстратные компоненты...; Смоляк А. В. Ульчи. М., 1966. С. 92—94.
- ³³ См. Историко-этнографический атлас Сибири (Упрямые собаководство. С. 62—77; Лыжи. С. 79—105; Лодки. С. 107—129).
- ³⁴ Там же. С. 63—64.
- ³⁵ Чернецов В. Н. Термины средств передвижения в мансийском языке // Сб. статей памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.; Л., 1937. С. 350.
- ³⁶ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 79—86.
- ³⁷ Там же. С. 107—129.
- ³⁸ Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов. С. 19.
- ³⁹ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 108. Табл. 1—3, 2—3; Алексеев Е. А. Средства передвижения кетов // Сиб. этн. сб. Л., 1961. Вып. III. ТИЭ. Т. 64. С. 91—97, Рис. 19—21; Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов. С. 19—21. Рис. 3—4.
- ⁴⁰ Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1984. С. 125—126.
- ⁴¹ Туголуков В. А. Следопыты... С. 120—121; Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961. С. 127—128.
- ⁴² Из истории шаманства. Томск., 1976; Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л. 1981; Sokolova Z. P. A Survey of the Ob-Ugrian Shamanism // Shamanism: Past and Present. Budapest; Los Angeles / Fullerton. 1989.
- ⁴³ Чернецов В. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Paris II; Helsinki 1965; Tschernjetsow V. N. Bärenfest bei Ob-Ugriens // Acta Ethnographica. 1974. Т. 23 (24); Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972. С. 55—85; *ее же*. Страна Югория. М., 1976. С. 60—70; Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск., 1984. С. 83—88; Новикова Н. И. Мифологические и бытовые интермедии в структуре медвежьего праздника современных манси // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. Омск., 1989.
- ⁴⁴ Соколова З. П. Синкретичность и полифункциональность обрядов и праздников как основа их жизнестойкости // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986—1987 г. Тезисы докладов. Сухуми., 1988. С. 116—117.
- ⁴⁵ Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX—начале XX века // Сб. МАЭ. М., 1970. Т. XXVII. С. 215—222.
- ⁴⁶ Соколова З. П. Женские и мужские священные места у хантов р. Сыня // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972.
- ⁴⁷ Соколова З. П. Страна Югория. С. 108.
- ⁴⁸ Семейная обрядность народов Сибири. М. 1980; Чернецов В. Н. Представления о душе...; Соколова З. П. Об одном традиционном обычае погребального цикла сынских хантов // Новое в этнографических и антропологических исследованиях (Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г.). М., 1974; *ее же*. Наследственные, или предковые, имена обских угров и связанные с ними обычаи // Сов. этнография. 1975. № 6.

© 1991 г., СЭ, № 4.

О. Р. Будина. М. Н. Шмелева

ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДА В ИНТЕГРАЦИИ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ

(по материалам русского города
1970—1980 гг.)

Не вызывает сомнений, что в наше время на культуру и образ жизни народов урбанизация оказала и продолжает оказывать мощное воздействие. Однако в разных регионах и у разных народов по тем или иным причинам такое воздействие имело и имеет различные последствия.

Не ставя в данном случае перед собой задачу проследить урбанистические процессы и их влияние на состояние или развитие бытовой культуры русского народа в целом, мы обращаемся к более ограниченной задаче, которая вместе с тем является, как нам кажется, важным звеном в изучении обозначенного большого круга проблем. Опираясь на этнографические материалы (в основном нашего времени и XIX в.), мы постараемся охарактеризовать вклад города в развитие народной культуры. При этом следует сказать, что этот вклад мы понимаем не просто как механистическое внесение чего-то сугубо городского в традиционную культуру, а как определенный результат культурно-бытовых взаимодействий разных групп населения, включающих городских и сельских жителей.

Во многих исследованиях, посвященных вопросам культуры и культурно-бытовым процессам, обращалось внимание, а порой и прослеживалось, влияние города на деревню (сельское население). Оценка такого влияния нередко оказывалась отрицательной, т. е. считалось, что городское воздействие разрушает традиционную народную культуру. При том, что подобное суждение, конечно, имеет основания, нам кажется, в большой мере оно объясняется прежде всего тем, что этнографическому изучению города длительное время не придавалось должного значения. Проведенные в течение последних десятилетий исследования показали, что влияние городской среды на сельскую не столь однозначно и, конечно, не обязательно отрицательно. Более того, культуре городского населения отнюдь не чужды народные традиции. Во всяком случае материалы, собранные среди русского народа, показывают, что подобные традиции органично входят в культурный фонд горожан (это относится как к прошлому, так и к настоящему) и при сохраняющемся взаимодействии между городом и селом обычно имеют то или иное развитие. Нужно сказать, что в ряде сфер культуры в городской среде народные традиции получают новый импульс благодаря большим объективно сложившимся возможностям в использовании профессионального творчества, технических средств и т. д.

Как мы уже не раз отмечали¹, именно в силу различного рода взаимодействий и взаимовлияния между городом и селом применительно к бытовой культуре русских — городских и сельских жителей, возможно использование понятия вариантов национальной культуры (сельского и городского), а не двух разных культур. При том, что современный культурный фонд в целом у русских, как и у многих других народов, располагает значительным числом унифицированных неэтнических явлений разного происхождения, он вместе с тем продолжает включать и многие культурные формы, в которых реализуется имеющая общие корни для города и села этническая традиция.

Существование вариантов бытовой культуры у русских всегда зиждилось на постоянных многообразных связях и контактах между сельским и городским населением, причем очень часто на протяжении истории русские города играли роль организующего центра.

В настоящее время значение города как центра ближайшей, а также и более или менее отдаленной периферии продолжает сохраняться, а порою и возрастает по сравнению с прошлым. Сельские жители городской округи в разной степени втянуты в жизнедеятельность города, который чаще всего бывает административным и культурным центром сельскохозяйственного района. Взаимодействие и взаимовлияние города и села осуществляются благодаря наличию различных каналов связи между ними, затрагивающих самые разные стороны культуры и быта. Особенно действенными являются такие связи, которые приводят к непосредственным контактам сельских и городских жителей.

Основы этих связей в значительной степени заложены в самом составе городского населения. Известно, что характерный для XX в., и особенно в период после Великой Отечественной войны, бурный рост городов, выразившийся в увеличении численности городского населения в стране (к 1979 по сравнению с 1940 г.) почти вдвое (с 33 до 62%² от всего населения), происхо-

дил главным образом за счет бывшего сельского населения, переехавшего в город. Особенно быстро росли крупные города с населением более 100 тыс. человек. Но большое значение имела и урбанизация сельских поселений, приводившая либо к присоединению некоторых из них к городам, либо к преобразованию других в города или поселки городского типа. Уже в 1959 г. в городах было сосредоточено 57,6% русских, проживающих в европейской части РСФСР. В 1979 г. в пределах РСФСР городское население составляло 69%, тогда как в 1913 г. его доля составляла лишь 17%³. В результате современные жители городов, например, средней полосы России уже в 1970-е годы более чем наполовину — сравнительно недавние выходцы из села⁴.

Рост численности населения городов сам по себе оказывает влияние на их развитие: способствует расширению территории, развитию транспорта, сферы культурного и бытового обслуживания, меняет внешний облик населения и т. п. Изменения происходят и в самом населении города: оно пополняется сельскими жителями. Правда, изучение среднерусских и уральских городов показало, что города растут главным образом за счет ближайших деревень, и это не оказывает существенного влияния на сложившуюся в них этническую ситуацию⁵. Мало меняется она и вследствие многоступенчатой миграции, когда из мелких городов переезжают в средние, а из них — в крупные города. Как правило, приезжие быстро адаптируются к городским условиям и как бы сливаются с горожанами. Но вместе с тем постоянный прилив значительной массы сельского населения, обладающего некоторыми культурно-бытовыми особенностями (уровень образования, потребление профессиональной культуры, приверженность традиционным формам бытовой культуры), не может не отразиться на этнографической характеристике города в целом. Значительная роль в формировании этнографического облика города и горожан принадлежит семейно-родственным и отчасти соседско-земляческим сельско-городским связям, поддерживающимся в различных группах городского населения, особенно среди недавних «выходцев» из деревни.

Семейно-родственные связи входят в систему духовных ценностей как горожан, так и сельских жителей. Они передаются по традиции из поколения в поколение, проявляясь в самых различных формах. Для современного развития родственных связей характерны некоторое сокращение по сравнению с прошлым круга общающихся родственников, углубление и расширение содержательной стороны отношений.

Наиболее тесные связи поддерживаются между сельской семьей и одиночками, выехавшими в город на учебу или работу и не успевшими здесь обзавестись своим домом. Они более или менее часто наезжают в семью, продолжая быть в ее составе, выполняя определенные обязанности и пользуясь правами членов семьи. Постепенно они отрываются от родителей, заводят свою семью, прежние связи с селом меняются по форме и содержанию, но обычно не прерываются. Сила их и прочность зависят от многих обстоятельств, в том числе от возраста родителей и детей, характера этапов развития семей, состава родительской семьи, крепости духовных связей и т. п.

Родственные контакты выражаются, в частности, в систематическом личном общении горожан и сельских жителей в сферах практической деятельности: досуг, праздничный и обрядовый быт. Значительное развитие получили отношения семейно-бытовой кооперации и взаимопомощи. Они проявляются в области товарообмена между семьями, в строительных работах (например, постройка и ремонт дома, двора), в подсобном хозяйстве (посадка и уборка картофеля, заготовка овощей на зиму, сенокос).

В условиях оживленной миграции, столь характерной для настоящего времени, большую роль в стабилизации семьи и семейных связей, в том числе и сельско-городских, имеет дальнейшее развитие традиции единения родственников вокруг старшего поколения, представители которого являются как бы центром притяжения близких и своеобразного регулирования отношений между

людьми, связанными боковым родством⁶. Родственники обычно собираются к старшим по прямой или боковой линии в дни их именин или рождения, съезжаясь порой издали. Многие горожане, имея родственников в деревне, устраивают там повторно свадьбу, после того как справят ее в городе, — для того, чтобы в ней могли участвовать все близкие и родные. Давно уже утвердился обычай «гулять» праздники попеременно горожанами у сельских, а сельскими — у городских родственников. Чередование празднований в том или ином месте обычно определяется составом родственных семей. Как правило, к старшим ездят на религиозные праздники (Пасха, Рождество, Троица и др.), к молодым — на новые советские (1 Мая, Октябрьские дни, Новый год).

На основе родственных и соседских отношений городских и сельских семей развиваются своеобразные земляческие связи, восходящие к старой традиции. Сельские жители, переезжая в город, оставляют в деревне не только родных, но и сложившийся круг друзей, соседей, с которыми продолжают поддерживать отношения. Подобные контакты относительно устойчивы на протяжении одного-двух поколений, а затем постепенно ослабевают. Контакты землячков выражаются в обмене информацией, взаимном посещении с различными целями, осуществлении взаимопомощи и выручке. Горожане зачастую покровительствуют своим односельчанам в устройстве при их переселении в город⁷.

Еще более тесные связи города с селом осуществляются через так называемых маятниковых, или минимигрантов, которые проживают в сельской местности и ежедневно приезжают в город, сочетая занятия сельским хозяйством с работой на промышленных предприятиях и в городских учреждениях. И хотя значительная их часть вне работы ориентирована на сельские интересы (общественное и личное хозяйство семьи, родственные и соседские связи, общественный быт села), эти «полугорожане» также включены в процесс активного культурного обмена между городом и деревней, тем более если учесть, что к этой категории населения в массе своей относятся люди, сравнительно молодые и жизненно активные.

В связи с усилением механизации сельского хозяйства и созданием специализированных агропромышленных предприятий, а также с появлением дефицита рабочих кадров в селе, возникшего в результате неудачной сельскохозяйственной политики, появился новый тип маятниковых мигрантов. Это горожане, постоянно работающие в сельском хозяйстве близлежащего к городу района трактористами, комбайнерами, крановщиками и т. п. Чаще всего такое положение создается в малых городах, где ощущается более тесная и непосредственная связь с сельским окружением и где имеющаяся промышленность не всегда способна полностью удовлетворить спрос на различные виды труда.

С функциями города как местного центра связаны временные посещения города жителями села (реже — выезды горожан в село) по производственным, административным делам, а также по хозяйственным нуждам, для проведения досуга и для участия в праздниках.

Свое значение для сельско-городских взаимоотношений в нашей стране имеет так называемое шефство — особый вид общественной деятельности по оказанию городом бескорыстной помощи деревне в разных областях жизни. Это явление не новое. Оно имеет глубокие корни и в прошлом было связано с просветительской деятельностью городской интеллигенции в селе в области агрономии, медицинского обслуживания, образования. В конце XIX — начале XX в. такая деятельность группировалась вокруг земства. В 1920-е — начале 30-х годов в связи с общими задачами культурного развития деревни шефская работа горожан была очень активной и направлялась главным образом на укрепление культуры в производстве и быту. Работники культуры из города, особенно учителя, участвовали в работе кружков ликбеза, сельскохозяйственных выставок, проведении новых праздников, организации художественной са-

модельности. Они помогали создавать библиотеки, избы-читальни, готовили кадры работников культуры.

Культурные контакты города с селом на основе шефской работы и теперь продолжают существовать. Особенно благотворны они, если проводятся на базе дворцов культуры, имеющих опытные кадры работников. Такая связь бывает полезна не только для жителей села, но и для городских шефов, особенно в работе фольклорных коллективов, для которых село сохраняет свою питательную функцию. Что же касается хозяйственной помощи горожан селу, то она со временем сильно изменилась и по мере развития негативных явлений в сельском хозяйстве перестала быть добровольной. Однако массовое участие горожан в сельскохозяйственных работах в «горячие» сезоны продолжает практиковаться.

Многообразные связи, о которых говорилось, приводят к активному общению большого числа городских и сельских жителей, рождают их взаимный интерес, поддерживают известное духовное единство горожан и сельчан и в конечном итоге создают условия для интеграции сельского и городского вариантов русской бытовой культуры.

Культурно-бытовые контакты города и деревни практически можно проследить во всех бытовых сферах культуры. Они распространяются на весь ее фонд, включающий как явления, обладающие этнической спецификой, так и явления стандартизованные, не этнические по своему происхождению. При этом соотношение таких разных элементов в различных областях культуры не одинаково. В одних явления традиционной культуры или близкие к ним модификации занимают больше места, в других они менее заметны; это связано с целым рядом причин, важное место среди которых принадлежит собственно природе той либо иной сферы или участка культуры. Так, в зависимости от характера реализации традиции значительно различаются между собой отдельные стороны материального быта, семейный, праздничный быт. В связи с этим можно говорить о разном уровне традиционности тех или иных областей бытовой культуры⁸. Соответственно в них результаты культурно-бытовых контактов города и деревни проявляются не одинаково.

Весьма выразительно подобное взаимодействие в материальной культуре. В области жилища, например, оно характеризуется определенным присутствием элементов традиционной народной культуры. Нужно сказать, что этому предшествовало длительное параллельное развитие жилого дома в городе и в деревне. Еще в конце XIX — начале XX в. даже многие губернные города России (Кострома, Владимир, Калуга и др.) были в основном «деревянными». Жилище преобладающей массы горожан, как и сельских жителей, строилось тогда методом срубной техники, имело сходные внутреннюю планировку и отопление.

В современных городах основная часть жилой площади находится в многоквартирных домах городского типа, принадлежащих государству. Строительство их ведется обычно индустриальными методами, из типовых деталей.

Вместе с тем в жилом фонде русских городов, преимущественно малых и средних, определенное место и теперь принадлежит деревянным домам индивидуальной застройки. Одни из них остались от дореволюционного прошлого, другие построены в советский период, в основном в те моменты, когда приток в города сельских жителей был наиболее велик. Почти во всех таких городах есть целые улицы, застроенные деревянными домами в 1920-е и 1930-е годы и в период после окончания Великой Отечественной войны. По сравнению с традиционным крестьянским домом эти жилища обычно модернизированы — имеют усложненную планировку, в разной мере оснащены современными городскими удобствами: водопровод, газовое и водяное отопление и др. В некоторых домах не хотят расставаться с русской печью и держат ее наряду с другими отопительными приборами для выпечки пирогов, сушки грибов и ягод.

С сельскими домами эти дома продолжают объединять примененные срубной техники в возведении стен, использование в строительстве традиционных для бревенчатого русского жилища видов сруба (дом с прирубом, дом-связь, пятистенки), а иногда и тип связи с хозяйственными постройками.

Кроме того, неотъемлемой частью городского бревенчатого жилища в Центральном районе, например, является и его резное убранство, выполненное из дерева. Это также связывает городское жилище с народным домостроительством. Резьба в городском доме украшает, как правило, те же элементы, что и в крестьянском: окна, фронтоны, крыльца, светелки. В орнаментике, используемой для украшения городского дома, преобладают те же мотивы и сюжеты, что и в декоре сельского жилища; технические приемы выполнения резьбы в свою очередь также сходны. В настоящее время городские дома, как и сельские, украшают пропиленной резьбой. То, что домовая резьба часто является предметом особой заботы и заинтересованности владельцев деревянных домов (резьба реставрируется, окрашивается для предохранения от разрушения, для новых домов резьбу заказывают или выпиливают сами и т. д.), говорит об актуальности этого традиционного элемента в народном жилище.

Можно сказать, что для жилища характерно непосредственное взаимодействие города и деревни. Видимо, это связано с природой жилища как явления культуры. Так, часть городских деревянных домов возводилась вчерашними деревенскими жителями по сельским образцам, нередко также с участием мастеров, работающих как в городе, так и в сельской местности. Кроме того, немало индивидуальных жилищ буквально заимствовано из деревни — их перевезли оттуда в разобранном виде и заново поставили в городе. Что касается взаимодействий в архитектурном украшении домов, то здесь они особенно многообразны. Наряду с непосредственными контактами (например, перенос из деревни декора вместе с домом либо перенос декора с деревенского дома на городской) большое значение имеют и связи, так или иначе опосредованные. Широко практикуются заимствование узоров, в том числе путем перенесения их с одного материала на другой (например, камень и дерево), создание новых орнаментальных комбинаций и т. д.

Иная картина наблюдается в формировании такого элемента материальной культуры, как одежда. Здесь прежде всего дает о себе знать тенденция к изменчивости. Разрушение традиционных форм русской народной одежды началось, как известно, давно, под влиянием развития текстильной промышленности и товарно-денежных отношений и интенсивно протекало в XIX в. Взаимодействия в этой области шли под знаком сильного влияния города. Именно из города распространялись фабричные ткани и новые модели одежды. В районах, где принято было работать на городских фабриках либо заниматься отхожими промыслами, крестьяне особенно бывали в курсе городских мод и выделяли немалые средства на приобретение одежды.

Интересно отметить, что в разные периоды результаты культурно-бытовых контактов в области одежды имели своеобразное выражение. Так, во второй половине XIX — первые десятилетия XX в. в России бытовал костюм, который принято называть городским. Его носили как в городе, так и в селах, связанных с городом. Формы этого костюма, который шился из фабричной материи, развивались под влиянием европейского платья. Однако в него включались элементы традиционной русской одежды. В мужской костюм, например, наряду с брюками и пиджаком общеевропейского типа входила рубаха-косоворотка, свойственная русскому традиционному костюму. Традиционен был и способ ношения отдельных элементов одежды: рубаха, например, выпускалась поверх брюк и подпоясывалась, брюки заправлялись в сапоги и др.

Для современной одежды русского городского и сельского населения характерно еще большее сближение, чем в прошлом. Ее развитие в городе и деревне идет в основном по пути дифференциации форм в зависимости от назначения, сезонности, возрастной принадлежности, характера труда, ритуальных

целей. И хотя одежда в целом еще более приблизилась к международным образцам, в общем фонде современной одежды русских продолжают сохраняться отдельные формы и элементы традиционного русского костюма. Несмотря на то что сфера их применения ограничена, и в наши дни изготавливаются и используются такие предметы одежды и обуви (некоторые из них остались почти неизменными), как валенки, рукавицы, головной платок и т. д. Кроме того, народная традиция учитывается и в конструировании современного костюма, что, кстати, является одним из перспективных направлений развития одежды вообще. Неудивительно, что в одежде в связи с особенностями ее развития нередко можно встретиться с вторичными формами бытования традиционных явлений или только символизирующими причастность к этнической традиции.

Особо важную роль, очевидно, преемственность стереотипных представлений играет в функционировании традиционных явлений в области питания. Приготовление и потребление пищи — этого «недолговечного» элемента материальной культуры, как мы знаем, в наибольшей степени продолжают оставаться в компетенции семьи. Традиционность питания обнаруживается и в том, что в основе его лежат продукты, традиционные для данного региона и производимые в нем (хотя в рационе населения известное место занимают продукты из других регионов, в том числе из других стран), и в режиме питания, который, несмотря на вариации, в целом остается традиционным и состоит из трех-четырёх трапез. Набор блюд, составляющих трапезы, включает многие традиционные кушанья, определяющие тип русской народной кухни. В городе и селе, например, повсеместно распространены такие обязательные компоненты повседневного русского стола, как щи и каша, причем это свойственно не только домашнему, но и общественному питанию.

Наряду со значительной традиционностью питание отличает большая насыщенность заимствованными элементами. Так, привычный набор блюд у русских горожан включает как традиционные кушанья русской кухни, так и многие инациональные блюда, в том числе народов СССР (некоторые из них стали интернациональными). Это касается как повседневного, так и праздничного стола (например, борщ, шашлык, винегрет, гуляш, котлеты и др.). Примечательно, что те или иные блюда и способы их приготовления вошли в состав русской кулинарии в разное время и различными путями, а многие из них, прежде чем стали достоянием широких масс городского населения, преодолели социальные преграды.

Так же как и в других областях материального быта, в питании и ныне формируются традиционные явления. В настоящее время сложилась праздничная трапеза с определенным набором блюд, подаваемых в определенном порядке. В отличие от прежнего времени такая трапеза теперь сопровождает в основном все празднества, проходящие в домашних условиях. При этом наряду с блюдами разного происхождения (и не только домашнего приготовления) в праздничном меню важное место занимают исконно русские блюда (например, пироги, студень и др.)

При исследовании отдельных сторон материального быта в аспекте его традиционности мы убедились в том, что существует определенная зависимость между сохранностью традиционного явления и его функциональной и эстетической значимостью. Силой такой зависимости определяются, очевидно, в известной степени жизнестойкость и форма существования отдельных традиционных явлений и народной культуры в целом. Именно достаточной ее прочностью объясняются, на наш взгляд, значительное бытование и развитие резного убранства бревенчатого дома. Относится это и к занявшим важное место в современной праздничной трапезе пирогам, и к выполняющим функцию ритуальной либо праздничной еды блинам, а также к таким обрядовым блюдам, как куличи и крашеные яйца, функционирование которых значительно шире, чем круг более или менее последовательных приверженцев связанных с ними

праздников. Подобная тенденция прослеживается в развитии и целого ряда элементов одежды.

В обширной сфере духовной культуры, в том числе в праздничной ее части, выражение культурно-бытовых контактов города и деревни особенно многообразно. Они имеют разный характер и также во многом определяются особенностями формирования населения. В современных условиях в удовлетворении духовных запросов людей большое значение имеет общественное начало в культурном обслуживании со свойственным ему развитием средств массовой информации и профессионального творчества.

Становление культурно-бытовых форм в сфере праздничной культуры, формирование и трансмиссия традиций происходит в связи с изменениями в идеологической направленности самих праздников (стихийной и целевой). Отсюда одну из характерных черт современных общественных праздников составляет распространение в них многих обычаев, обрядов, ритуалов, церемоний, бытующих у разных народов страны и как бы лишенных этнической окраски. Значительная роль в укреплении подобных черт до сих пор принадлежала городу как административному, идеологическому и культурному центру. Во многих случаях из города по официальным каналам распространялись рекомендации, как проводить торжественную часть того или иного советского праздника, а иногда также и его массово-зрелищные «гуляния». Вместе с тем эта область, тесно связанная с этническим сознанием и более свободная, чем многие стороны материального быта, от жестко детерминирующего влияния производительных сил⁹, более стойко сохраняет культурные традиции этноса, неизменно находящиеся в движении. Здесь аккумулирован большой народный опыт праздничного общения и праздничной культуры в целом, полученный от предшествующих поколений и составляющий достаточно прочную традицию. Это в равной степени касается как города, так и деревни.

Развитие традиции в общественных праздниках в настоящее время отличаются большая динамичность, быстрая сменяемость одних форм другими. Активность протекающих трансформаций приводит к значительным, а иногда и к коренным изменениям в этой области. В то же время устойчивость некоторых особенностей быта удерживает на его периферии старые и даже раритетные формы, что относится не только к деревне, где, как принято считать, был в целом консервативнее, но и к городу. Так, например, местами в Центральной России (Калужская и Костромская области) до сих пор сохраняется память о языческих праздниках и даже встречается празднование дня Ярилы, сопровождающееся в некоторых случаях исполнением обрядов, связанных с дохристианскими верованиями¹⁰.

Наряду со стихийным народным творчеством по пересмотру и приспособлению к изменившейся обстановке традиций большую роль на этом участке культуры играет профессиональное творчество, которое подчас сознательно вмешивается в эволюцию национальной праздничной культуры. Инициатором и проводником в развитии этой тенденции выступает город.

Рассмотрение современных праздников с точки зрения содержания реализующейся в них традиции дает многообразные результаты. Диапазон вариативности в праздничной культуре необыкновенно широк в силу природы этой сферы, сочетания в ней стихийного и целенаправленного творчества, подвижности форм, способных к замещению и регенерированию сельских и городских черт.

Не имея возможности рассмотреть в настоящей статье все группы праздничных явлений, остановимся на тех из них, которые в особенности характерны для данного участка культуры. Так, современные общественные праздники характеризует наличие многих новых культурно-бытовых форм. Хотя эти праздники относительно молоды (все они складывались в советское время), некоторые праздничные явления уже достаточно сформировались. К ним относится большинство советских государственных праздников, в том числе

совсем молодой, но быстро утвердившийся Праздник Победы. Нужно сказать, что праздничный комплекс¹¹ этих торжеств, т. е. их состав, по сравнению с другими, оказался более полным, так как включил в себя торжественный, массово-развлекательный и домашне-бытовой компоненты.

Праздничный комплекс государственных торжеств в принципе одинаково выражен как в городской, так и в сельской среде. Однако различия в образе жизни сельского и городского населения дают о себе знать. Так, например, Первомайский праздник в селе бывает выражен часто более скромно, чем в городе, — как бы в сокращенном виде, в особенности, когда он совпадает со срочными весенними полевыми работами. Для горожан же Первомай весьма традиционен. Он уходит корнями к старинному обычаю маевок — первомайских гуляний, входивших в весенне-летний цикл традиционного календаря многих европейских народов.

Также в советский период возникла и целая группа производственных праздников. Они были призваны прославлять ту или иную профессию (День шахтера, День металлурга, День текстильщика, День учителя, День стеклодува и т. д.). Необходимо отметить, что производственные праздники — в основном принадлежность городского общественного быта. Здесь они, как показывают наши наблюдения 1970-х — 80-х гг. (это бывал город или коллектив предприятия, или отдельные группы внутри него), там, где личное и общественное начала оказывались сильно связанными между собой, успели не только войти к этому времени в общественную жизнь, но и перейти в домашнюю сферу с характерными для нее гостеванием и застольем. Как правило, в них принимала участие и сельская родня. Локальное вхождение в традицию таких праздников обусловлено историей самих занятий, которым посвятили в течение ряда поколений свой труд жители отдельных городов или какого-либо региона.

В сельской местности производственные праздники в целом не нашли такого широкого развития, как в городе, но местами встречаются достаточно яркие и уже установившиеся торжества. В северной части Центральной России, например, был популярен День животновода.

Наблюдения 1980-х годов показывают, что стало своего рода традицией участие горожан в сельских производственных праздниках. В этих случаях горожане помогают в разработке сценария, организуют концертную бригаду и присутствуют на празднике в качестве гостей. Некоторые праздники, такие, как День животновода, Праздник урожая, Праздник первого снопа, нередко устраиваются в городе. Это относится прежде всего к городам районного значения, которые непосредственно связаны с селом. И тогда эти праздники проходят не только как сельские, но и как городские, подчеркивая общность интересов и тех и других.

Ярко выраженным национальным колоритом отличается третья группа современных общественных праздничных торжеств — так называемые сезонные праздники, отмечать которые за последние 30 лет вошло у русских в обычай. Наиболее характерными и достаточно сформировавшимися можно считать Праздник русской зимы и в меньшей степени — Праздник русской березки, представляющие собой, как известно, результат своего рода возрождения некоторых старых традиционных летних и весенних обрядов на новой идеологической основе. К ним примыкает и осенний Праздник урожая, который начал формироваться еще в 1920—1930-е годы и включает элементы древних восточнославянских «дожинок».

Эти специально сконструированные праздники родились в городе и затем распространились в сельской местности. Поскольку они по существу состоят из одной общественно-развлекательной части, базой для их проведения стали клубы, стадионы, парки в городах, районных центрах, крупных селениях, где и сосредотачиваются основные массы участников. Однако шумные нарядные объезды, непременно включающиеся в программу «игры», вовлекают в праздничное веселье и то население, которое остается на местах.

Подобно этим праздникам в сельской местности, включая районные центры, создавались такие праздники, как Праздник первой борозды, упомянутый День животновода, Праздник серпа и молота.

Сильной стороной этих праздников является то, что они содержат черты народной праздничной культуры, близкие и городскому населению, и жителям деревни. Особенно выразительны элементы календарной обрядности, хотя нередко они выступают в значительно трансформированном виде. В сочетании с иными, разнородными по своему характеру и функциям праздничными формами элементы старой, а иногда и архаической традиции помогают создавать обобщенно-национальный колорит, этнически маркируют новое празднество, что, как приходилось убеждаться, импонирует городским и сельским жителям вследствие, видимо, определенного эффекта узнаваемости явления.

Значительный интерес представляет в свою очередь рассмотрение взаимодействий городского и сельского компонентов в семейных праздниках, объединяющих в себе общественное и личное начала. В частности, в таком праздничном явлении, как свадьба, в последние десятилетия для развития обряда стала характерна тенденция насыщения разных его частей элементами, связанными с русской народной традицией¹². Можно говорить о том, что некоторые из таких явлений распространены как в городе, так и в селе. Молодых везде встречают хлебом и солью (независимо от того, происходит встреча у порога дома или у входа в столовую, ресторан, кафе, где проводится свадьба). Общепринято также неоднократное перегораживание дороги свадебному поезду с требованием выкупа. В городе и в селе после регистрации брака принято совершать поездку по определенному в каждом месте маршруту и оставлять цветы в памятных местах. Нередко это бывают памятники на могилах павших воинов, что может иметь некоторую связь с древним обычаем посещать молодыми могилы родителей перед свадьбой.

Материалы показывают, что продолжают расширяться игровые моменты второго дня свадьбы. В них присутствуют, с одной стороны, элементы, имеющие традиционную символику в крестьянской свадьбе, — «битие горшков», «подметание пола молодой», и пр., а с другой — новые формы городского происхождения. В последнее время появился обычай зачитывать «присланные» молодоженам телеграммы, демонстрировать шуточные «бандероли», «посылки» в их адрес, подносить иллюстрированные альбомы со стихами.

Наряду с этим иногда в городской свадьбе можно обнаружить локальные элементы, свойственные крестьянскому обряду. Так, в 1984 г. мы встретили в городах Кологриве и Солигаличе Костромской обл. древний обряд с «елочкой». Прежде вынос «елочки», или «дивьей красоты», сопровождавшийся приговором и сбором денег в пользу подруг невесты, происходил на девичнике. Теперь этот обряд передвинулся в другую часть свадьбы — на пир первого дня. Примечательно, что во всех случаях отчетливо прослеживается непосредственная связь с сельской средой: текст приговора переписывался в деревне, «елочку» носила сельская жительница, знающая обряд. Одна из брачующихся сторон либо жила в деревне, либо недавно ее покинула. Эти примеры позволяют увидеть и оценить конкретный путь проникновения в город одного из явлений традиционной крестьянской культуры, которое в дальнейшем отнюдь не обязательно утвердилось в городском быту.

Мы намеренно обратились к материалу из разных областей бытовой культуры, чтобы показать, что взаимодействие города и деревни прослеживается повсюду, хотя и имеет неодинаковые проявления. Сложность и неоднозначность процессов в различных сферах связаны как с неодинаковой природой явлений, так и с совокупностью факторов, влияющих на их развитие и бытование.

В целом же совокупность культурно-бытовых взаимодействий городского и сельского русского населения в достаточно моноэтнической урбанизированной зоне послужила и продолжает служить важным фактором этнокультурного развития. Во многом благодаря особенностям формирования русского населе-

ния до сих пор поддерживается функционирование бытовой культуры, включающей наряду с общими явлениями и элементы, связанные с этнической традицией.

Особого внимания в интеграции между городским и сельским вариантами народной бытовой культуры (как, думается, можно назвать частично показанные здесь процессы) заслуживает развитие так называемых вторичных культурных форм, включенных в систему современной культуры. К ним относятся и широко известные во многих странах Европы разного вида фольклоризмы. В подобном творчестве, на наш взгляд, на современном этапе находит выражение своего рода консолидация русского народа — стремление найти общие и близкие всем образы и формы, укрепить внутриаэтнические связи как в территориальном, так и во временном смысле. Поиск современных национальных или национально-маркированных форм бытовой культуры обусловлен и этнодифференцирующей их функцией, являющейся как бы второй стороной медали в условиях оживленных и все расширяющихся межнациональных связей внутри страны и за ее пределами.

В развитии межнациональных связей, приводящих (наряду с другими факторами) к нарушению замкнутости культуры народов в национальных рамках, городу также принадлежит важная роль. В ходе развития этих связей в городе прежде всего (в частности, из-за более сложного, чем в селе, этнического состава населения) происходит не только определенное укрепление национальных традиций, но и обогащение их путем усвоения традиций других народов (родственных и неродственных). Этот процесс сложен и мало изучен. В различных конкретных условиях он протекает по-разному, но в итоге, как и другие современные этнокультурные и культурно-бытовые процессы, способствует выработке общих черт, свойственных образу жизни народа в целом.

Примечания

¹ См., например: Будина О. Р., Шмелева М. Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города // Сов. этнография. 1982. № 6; они же. Город и народные традиции русских (по материалам Центрального района РСФСР). М., 1989.

² Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981. С. 192.

³ Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979. М., 1980. С. 4.

⁴ См.: Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977. С. 36—37.

⁵ Крупянская В. Ю., Будина О. Р., Полищук Н. С., Юхнева Н. В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917—1970). М., 1974. С. 21—22; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Указ. раб. С. 38.

⁶ См.: Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 63—72.

⁷ Русские. С. 78—79.

⁸ Будина О. Р., Шмелева М. Н. Проблема традиционности современной бытовой культуры русского городского населения // Сов. этнография. 1987. № 6.

⁹ Современные этнические процессы в СССР. С. 316—317.

¹⁰ См.: Будина О. Р., Шмелева М. Н. Город и народные традиции русских. С. 242.

¹¹ О понятии «праздничный комплекс» см.: Будина О. Р., Шмелева М. Н. Общественные праздники в современном быту русского городского населения // Сов. этнография. 1979. № 6.

¹² См.: Жирнова Г. В. Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем (по материалам городов средней полосы РСФСР). М., 1980.